

Глава 1

ТЯЖЕЛОЕ БРЕМЯ ТАЛАНТА

*Если боги хотят кого-нибудь погубить,
они объявляют его подающим надежды.*

Сирил Конноли. *Враги таланта*

Первое, с чего всегда начинали, был тест на скорость бега. Когда скауты, работающие на Главную лигу, проверяли новую группу подающих надежды не-профессиональных спортсменов, их скоростные возможности испытывали первыми и отмечали в контрольном листе результаты. Скауты повсюду носили с собой такие контрольные листы. Способности ребят, которых проверяли, именовали «набором инструментов». Всего таких инструментов в листе было пять: умение быстро бегать, подавать мяч, принимать подачу, бить по мячу и хорошо его ловить. О спортсмене, умеющем быстро бегать, говорили: «парень с колесами», о сильной руке — «шланг». Язык, на котором общались скауты, вообще казался похож на язык автомехаников, а разговор скаутов можно было легко принять за обсуждение спортивных машин, и в этом никто не находил ничего необычного.

В этот день поздней весной в Сан-Диего несколько команд Главной лиги пропускали через жернова просмотра группу подающих надежды спортсменов. И если в воздухе витало чуть больше напряжения и драматизма, то лишь потому, что на дворе стоял 1980 год и риски, связанные с подготовкой бейсболистов, возросли. Несколько годами ранее суд предоставил профессиональным бейсболистам право иметь статус свободных агентов*, и, ни секунды не мешкая, владельцы бейсбольных команд стали поднимать цены на игроков до уровня, противоречившего былому здравому смыслу. Только за четыре года средняя зарплата в бейсбольной лиге выросла едва ли не в три раза, с 52 до 150 тысяч долларов. Новый владелец «Нью-Йорк Янкиз» Джордж Штейнбреннер заплатил в 1973 году 10 миллионов долларов за весь клуб, а в 1975 году — 3,75 миллиона долларов за первого в то время игрока со статусом свободного агента, Кейтфиша Хантера. Приглашая нового игрока в команду еще несколько лет назад, никто особенно и не задумывался, действительно ли он на сто процентов подойдет команде. Но времена изменились — теперь любая ошибка обходилась все дороже, ее цена измерялась уже не в тысячах долларов, а приближалась к круглой сумме в миллион.

Как бы то ни было, просмотр в Сан-Диего начинался традиционно — с бега. Пять молодых парней разминались, то и дело проносясь по газону дальнего поля. Это были Дарнелл Коулс, Сесил Эспи, Эрик Эриксон, Гарри Харрис и Билли Бин. Все еще мальчишки, чтобы оказаться здесь, им нужно было иметь письменное разрешение родителей. Никто за пределами их городов ничего о них не знал,

* До 1975 года мобильность профессиональных бейсболистов была ограничена специальной оговоркой в контрактах. Игрок, подписавший первый контракт с командой, был обязан играть за нее всю оставшуюся игровую карьеру или до тех пор, пока его контракт не будет продан [в этом случае он был обязан играть за команду, выкупившую контракт]. Прим. пер.

но для скаутов имена этих подростков уже казались нарицательными. Все пятеро прошли первый национальный официальный отбор. Парней этих «добыли», словно золотые самородки, в самом богатом на бейсбольные таланты месте Северной Америки — в Южной Калифорнии — и теперь пригласили на бейсбольное поле в старшую школу имени Герберта Гувера в Сан-Диего, чтобы выяснить, кто из них лучший из лучших.

Пока мальчишки разогреваются, несколько скаутов стоят на внутреннем поле и судачат о своем. На дальнем поле с секундомером в руке расположился Пэт Гиллик — главный менеджер клуба «Торонто Блю Джейс». Гиллика обступили пять-шесть скаутов, все тоже с секундомерами в руках. Один из них отмеряет шагами шестьдесят ярдов и отмечает ногой линию финиша. Мальчишки строятся на левой границе игрового поля вдоль линии фault. Левее от них — ограждение поля, в которое в свое время Тед Уильямс* еще старшеклассником рикошетом отбивал мячи, успевая затем пробежать две базы. Школа имени Герберта Гувера — альма-матер Теда Уильямса. Но мальчишкам сейчас не до этого. Они пребывают словно в тумане, ничего вокруг не замечая. За последние нескольких месяцев их тщательно проверяли несчетное количество раз, и на этих тестах перебывало столько скаутов, что мальчишки уже не представляли себе, для кого они здесь собирались. Парням кажется, будто их взяли в «пробную поездку», чтобы хорошенько проверить перед покупкой, словно спортивные машины, а не людей, занимающихся спортом.

Пол Уивер**, скаут клуба «Сан-Диего Падрес», тоже здесь, на поле. Он поражен спокойной уверенностью подростков.

* Тед Уильямс (1918–2002) — знаменитый американский бейсболист. Прим. ред.

** Пол Уивер — известный скаут, работал на профессиональные бейсбольные клубы Главной лиги «Сан-Диего Падрес», «Хьюстон Астрос», «Аризона Даймондбэкс». Прим. пер.

На своем веку Уивер перевидал много желторотых птенцов, которые впадали в ступор, как только их начинал тестиировать скаут*. Уивер помнил, как когда-то тестиировал Марка Маклемора (когда тот не был еще теперешним Марком Маклемором — аутфилдером, звездой клуба «Сиэтл Маринерс» с годовым контрактом в три миллиона долларов) — еще никому не известного мальчишку. Марк так нервничал, что его стошило прямо на поле. Парни, которые сейчас сдавали нормативы, совсем другие. Они уже были лучшими и были таковыми слишком долго.

Дарнелл Коулс. Сесил Эспи. Эрик Эриксон. Гарри Харрис. Билли Бин... Один из скаутов поворачивается к соседу со словами: «Я беру себе трех черных ребят — Коулса, Харриса, Эспи. Они заткнут за пояс белую ребятню. А Эспи — этот заткнет за пояс вообще любого, даже Коулса». Коулс — прирожденный спринтер и уже подписал соглашение на получение футбольной стипендии с Калифорнийским университетом.

Гиллик резко опускает руку. Пять молодых спортсменов разжимаются как пружины и срываются с места. Семь секунд бега — и все, финиш. На фоне Билли Бина остальные участники забега показались скаутам какими-то затормо-

* Скауты имеют огромное личное влияние на судьбу начинающих игроков. Именно скауты проводят тестирование непрофессиональных игроков из школ и университетов для того, чтобы далее внести самых достойных и понравившихся им игроков в списки тех, кто может быть заявлен для набора в бейсбольные клубы Главной лиги. Распределение игроков в бейсбольные клубы Главной лиги происходит в июне. Из списка, составленного скаутами, бейсбольные клубы в порядке установленной очереди во время телефонной конференции заявляют своих игроков. Игроки, которые подписывают контракты с клубами, переходят из категории непрофессиональных игроков в категорию профессиональных игроков и, как правило, развиваются в рамках клуба, играя поначалу в командах разных уровней низшей лиги, и, если показывают хорошие результаты, со временем переходят в Главную лигу. Часто у непрофессионального игрока есть только один шанс выделиться на фоне остальных соискателей — во время тестирования, которое проводят приезжающие скауты. *Прим. пер.*

женными. Эспи прибежал вторым, отстав от Билли на добрых три шага.

И хотя все очевидно — да и как по-другому можно еще это трактовать — Гиллик озадачен. Он кричит одному из скаутов, чтобы тот снова измерил шагами дистанцию и убедился, что ее длина шестьдесят ярдов. Затем просит испытуемых вернуться на стартовую линию на границе поля. Мальчишки не понимают: обычно забег проводят только один раз. «Может быть, Гиллику захотелось проверить нас на выносливость?» — проносится у ребят в мыслях. Но нет — не об этом думает сейчас Гиллик. Принцип Гиллика прост: он верит только своим глазам. Просто сейчас ему трудно заставить себя поверить в то, что пару минут назад воочию наблюдал. Гиллик не может поверить, что Билли Бин обошел Сесила Эспи и Дарнелла Коулса и сделал это абсолютно честно. Скаут удивлен и цифрам своего секундомера: стрелка показывает 6,4 секунды — такое впору ожидать от спринтера, но не от этого высокого парня.

Не совсем понимая зачем, ребята возвращаются на исходную позицию и снова бегут. Результат тот же самый. «Билли задал всем жару», — произносит Пол Уивер.

Юношеский Билли Бин мог одержать победу над кем угодно и в чем угодно. Казалось, способность быть первым у него врожденная, он выигрывал у любого противника в любом виде спорта и делал это с невероятной легкостью. За год до окончания старшей школы Билли играл в футбольной команде на позиции квотербека и параллельно был лучшим снайпером своей баскетбольной команды. Он обнаруживал в себе спортивные таланты еще до того, как его тело было в состоянии этими талантами воспользоваться. Он уже умел выпрыгивать и класть мяч в баскетбольное кольцо еще до того, как его ладони могли хорошо удерживать мяч.

Отец Билли не был спортсменом и учил сына играть в бейсбол по учебнику. Он служил офицером военно-морского флота и по девять месяцев в году проводил в море. Приезжая домой на несколько месяцев, отец был полон решимости употребить это время на пользу сыну: он хотел научить мальчика подавать бейсбольный мяч. Задача казалась интересной — ведь о бейсбольных подачах было много написано, их можно было отрабатывать на практике. В любое время года отец привозил сына и порядком потрепанные книжки по бейсболу на одно из полей Юниорской лиги, где могли тренироваться дети. Тренировки Бинов не были простым развлечением. Отец Билли был человеком взыскательным и педантичным: он учил сына бейсбольным подачам, требуя от мальчика полной отдачи и дисциплины, почти как от солдата в лагере новобранцев.

Несмотря на это, Билли чувствовал себя счастливчиком. Он хотел играть в бейсбол и знал, что отец готов играть с ним целыми днями.

Когда Билли исполнилось четырнадцать лет, он уже на пятнадцать сантиметров был выше отца и во время игры в бейсбол выделявал такие трюки, о которых в учебниках не писали. Когда Билли перешел в девятый класс, несмотря на протесты старших игроков, тренер поставил его играть питчером в финале первенства старших школ. Билли в одиночку всухую обыграл команду противника, десять раз подавая серию подач страйк-аут*, а в течение игры его показатель отбивания был два из четырех выходов на биту.

* Нападающей команде засчитывается очко, когда игрок по правилам последовательно касается первой, второй, третьей баз и пластины «дома» до того, как три игрока будут выведены в аут. Страйк-аут — один из способов, которыми защищающаяся команда может вывести нападающего игрока в аут. Страйком называют ситуацию, когда бьющий махнул битой, но не попал по мячу. Три страйка в одной серии подач считаются страйк-аутом, после чего нападающий игрок выводится в аут, теряя право бежать на первую базу. *Прим. пер.*

В пятнадцать лет реализация его выходов на биту в играх самых серьезных юниорских бейсбольных лиг в стране превысила пятьдесят процентов. К одиннадцатому классу он был уже ростом под два метра, весил около восьмидесяти килограммов и продолжал расти, а его выпускной школьный перстень был испещрен инициалами скаутов из Главной бейсбольной лиги. Скауты наблюдали, как Билли раз за разом набирал более пятидесяти процентов реализации выходов на биту. Во время своей первой серьезной игры, когда скауты уже обратили внимание на юношу, Билли позволил команде противника реализовать только два хита*, украл четыре базы** и три раза реализовал удар трипл***. Всех зрителей тогда поразило не то, что Билли сумел отбить мяч и добежать до третьей базы, а то, как Билли уводил мяч в трипл. В то время вокруг бейсбольного поля в Сан-Диего, на котором проводилась игра, не было забора — вокруг только раскаленный солнцем пустырь. После того как Билли в первый раз отбил мяч в трипл, он пролетел высоко над головами игроков защиты внешней части поля, и те успели отойти подальше к границам лужайки. Когда Билли второй раз отправил мяч высоко над головами защитников, те выбежали за пределы поля примерно на такое расстояние, на каком сейчас на стадионах Главной лиги находится парковка. Ну а в третий раз, когда мяч,пущенный Билли, пролетал над головами защитников... в общем, когда мяч полетел от Билли в третий раз, болельщиков разобрал хохот.

* Хит — удар, при котором отбивающий достиг первой базы. *Прим. пер.*

** Укraсть базу — ситуация, когда игрок, находящийся на базе, обегает следующую базу в момент подачи питчера, но до того, как бьющий успел осуществить удар. Осуществляя кражу базы, игрок рискует быть захваченными врасплох питчером, кинувшим мяч игроку своей команды, стоящему на базе, или быть пойманнми кэтчером, бросившим мяч на ту базу, которую пытаются укraсть. *Прим. пер.*

*** Трипл — удар, в результате которого игрок нападающей команды успешно отбил подачу питчера и смог пробежать три базы подряд. *Прим. пер.*

Вот так Билли играл во что угодно, и лучше было не зевать, иначе не успеешь оглянуться, как Билли выдаст очередную штуку, которую вряд ли увидишь еще когда-нибудь.

Игра Билли вызывала бурю эмоций у бывальных скаутов, которым платили за их умение представить, какой профессиональный игрок может получиться из незнакомого молодого человека. У этого мальчишки было такое телосложение, о котором можно только мечтать: прямая осанка, худой, но не сухощавый, а скорее, готовый превратиться в крепкого, мускулистого мужчину. А какое у него было лицо! Под копной непослушных волос, с четко очерченными острыми чертами, которые так нравились скаутам. Некоторые из них все еще продолжали считать, что они способны по чертам лица определить не только характер юноши, но и его будущее в профессиональном бейсболе. У них даже имелся для этого свой термин: «хорошее лицо». Именно такое лицо было у Билли.

Тренер Билли, Сэм Блэйлок, не знал, что делать со скаутами. «У меня проходил первый раунд отбора, — вспоминал позже Блэйлок. — И вот на каждую тренировочную игру являются по пятнадцать-двадцать скаутов. Я не знал, как себя вести, ведь я никогда в профессиональный бейсбол не играл». Двадцать лет спустя Сэм Блэйлок будет признан своими коллегами лучшим тренером по бейсболу в старших школах страны. Из его команды в старшей школе «Ранчо Бернардо» в Сан-Диего выйдет такое количество игроков Главной бейсбольной лиги, что школу станут называть в бейсбольных кругах «Фабрикой». Но тогда, в 1979 году, Блэйлок работал тренером только второй год, а Главная бейсбольная лига со всеми ее многочисленными представителями, приезжавшими посмотреть на тренировки его ребят, вызывала у Сэма священный трепет. Казалось, каждый скаут хотел лично познакомиться с Билли. Дошло до того, что после

тренировки Билли сбегал к кому-нибудь из своих друзей, чтобы спрятаться от непрестанных телефонных звонков. Билли оставался парнем невозмутимым, равнодушным к всеобщему вниманию и не пускал на свою личную территорию ни скаутов, ни тренеров. Единственный человек, который мог дозвониться Билли по домашнему телефону, была его учительница по английскому языку, которая однажды выволокла его из класса за шкирку и сказала, что недопустимо, обладая его способностями, устраиваться в жизни, пользуясь только своими спортивными талантами и обаянием. Вот для нее Билли старался быть лучше. А если каким-то скаутам что-то не нравилось, это он считал личными проблемами скаутов.

Оглядываясь назад, Сэм Блэйлок считал, что ему следовало в свое время согнать всех этих скаутов в одно стадо и указать им их место, чтобы они сидели и помалкивали, пока их не позовут. А вместо этого он исполнил то, чего те добивались: Блэйлок показал товар лицом — вывел своего звездного ученика перед скаутами как рысака, чтобы те могли его оценить. Скауты просили показать, как быстро бегает юноша, и Сэм устраивал Билли показательные забеги на короткие дистанции. Скауты просили показать, как юноша подает мяч, и Сэм вместе с Билли перемещались на бейсбольное поле, и юноша показывал, с какой силой он может запустить мяч своему тренеру в район домашней базы. Скауты желали увидеть, как юноша отбивает мяч, и Сэм устраивал закрытую тренировку, на которой были только скауты и Билли. «Помню, — вспоминает Блэйлок, — я подаю мяч, Билли отбивает, а двадцать скаутов Главной бейсбольной лиги бегают и пытаются этот мяч поймать». Всякий раз, когда скауты смотрели на Билли, они видели в нем только того, кого хотели увидеть: будущую звезду Главной бейсбольной лиги.

Что касалось Билли — Сэм оставил парня в покое. Как считал Блэйлок, бейсбол — это скорее индивидуальный вид спорта, нежели командная игра, а успех спортсмена, по крайней мере на первых порах, зависел больше от врожденного внутреннего чутья и естественной реакции, чем от навыков, которым можно научить. По мнению Блэйлока, если у тренера появился спортсмен со способностями Билли, все что нужно делать, это дать ему волю. «Я был молод и побаивался, — вспоминал Блэйлок, — что допущу оплошность и парень потеряет уверенность в себе». Впоследствии тренер изменит свое мнение об игре в бейсбол, но его заключение о таланте Билли останется прежним. Двадцать лет спустя, после того как более шестидесяти молодых спортсменов, его воспитанников, включая двух его собственных племянников, пригласят в профессиональный бейсбол, Блэйлок будет продолжать повторять, что спортсмен такого калибра, как Билли, встречается раз в жизни.

Все они проглядели очевидные симптомы начинавшейся болезни. Никто не заметил, что всего за один игровой сезон в последнем классе школы показатель реализации выходов на биту съехал у Билли с 50 до 30%. Сложно было понять, почему это случилось. Может быть, из-за постоянного давления со стороны скаутов. Может, другие команды придумали новые способы подачи мяча, а Билли не смог к ним приспособиться. А может, просто парню не повезло. Суть в том, что никто даже не заметил, что у Билли ухудшились показатели. «Я никогда не смотрел на статистику Билли, — признается один из скаутов. — Такая мысль даже не могла прийти мне в голову. Билли был парнем со всеми пятью инструментами, которые мы искали в спортсменах!» Роджер Джонгвард, главный скаут команды «Метс», признался: «Поймите, мы не просто смотрим на показатели. Мы ищем талант».

Но для Билли талант стал маской, за которой не разглядели его самого. У Билли все всегда ладилось и дела шли так гладко, что никто вообще не задумывался о том, как он поведет себя, случись какая-нибудь неудача. Никто, кроме Блэйлока. Когда Билли в первый раз промахнулся, он в досаде буквально бросился на поиски чего-нибудь, что можно было расколотить. Потом как-то раз, когда Билли три раза подряд не смог отбить подачу и был выведен в аут, он в бешенстве так лупанул о стену бейсбольной битой, что та согнулась под прямым углом. Когда же снова пришел его черед выходить на поле, Билли был еще настолько разъярен своей неудачей, что настоял на том, чтобы отбивать мяч искривленной битой. А однажды Билли охватил такой припадок гнева, что Блэйлок просто вышвырнул его из команды. «Есть такие парни, от которых, когда те садятся на скамейку для выведенных в аут игроков, все остальные стараются отодвинуться подальше, — рассказывал Блэйлок. — Билли был именно таким парнем».

Когда что-то на бейсбольном поле шло не так, Билли, словно заколдованный, буквально каменел и был не в силах воспользоваться своими природными способностями. И снять это заклятие он мог только за счет своей физической силы. Билли не просто не любил проигрывать, казалось, он даже не знал, как вообще можно проиграть.

Скауты этот факт никогда не принимали во внимание. К тому времени, когда Билли оканчивал школу, единственным вопросом, который они задавали, был: «Смогу ли я его заполучить?» И в 1980 году, когда состоялся уже упомянутый смотр «великолепной пятерки» в Сан-Диего, у них были все причины для сомнений.

Первым нехорошим «звонком» для скаутов был интерес к Билли со стороны Роджера Джонгварда — главного скаута нью-йоркской команды «Метс». В 1980 году «Метс»

получила право первого выбора в драфте, и, похоже, клуб собирался использовать свою очередь, чтобы забрать себе Билли. Прошел слух, что «Метс» сократили список желанных кандидатур до двух игроков: Билли и старшеклассника из Лос-Анджелеса Даррела Строберри. Еще поговаривали, что Роджеру Джонгварду больше по душе Билли, а не Строберри. Стоит сказать, что Роджер Джонгвард не был одинок в своем предпочтении. Он заметил: «Есть хорошие парни, а есть первоклассные. А Билли — парень первоклассный из первоклассных. У него были подходящее телосложение, скорость, подача — полный набор данных. Он мог бы заняться любыми других видах спорта. Вдобавок ко всему у него были хорошие отметки в школе и встречался он с самыми красивыми девочками. В нем было очарование. Билли мог бы стать кем угодно».

Вторым плохим знаком для скаутов оказалось то, что Билли постоянно твердил о том, что он не хочет становиться профессиональным бейсболистом, а собирается пойти в колледж. Точнее, Билли хотел учиться в Стэнфордском университете, где он мог бы получить двойную спортивную стипендию, играя одновременно за бейсбольную и футбольную университетские команды. По крайней мере учеба Билли интересовала не меньше спорта. Рекрутер по бейсболу из Университета Южной Калифорнии пытался отговорить Билли от поступления в Стэнфорд: «Подумай, там тебе целую неделю придется провести, сдавая экзамены». На что Билли ответил: «Ну так в этом и состоит суть учебы, не правда ли?» Несколько скаутов упивались на то, что Билли на самом деле не играл в футбол: он перестал играть в него в предпоследнем классе школы — боялся, что получит травму и его бейсбольной карьере придет конец. У бейсбольной команды не было «подковерных» договоренностей с приемной комиссией Стэнфорда, как у футболистов. Потому

тренер по бейсболу попросил взглянуть на Билли своего футбольного коллегу. Тот выбор одобрил. Все, что теперь требовалось от Билли, — получить четверку по математике, обо всем остальном должен был позаботиться Отдел спорта Стэнфордского университета. Так и произошло.

К моменту, когда настало время набирать игроков, в основном все скауты Главной лиги вычеркнули имя Билли из своих списков, считая, что заполучить парня не получится. «Билли, ясное дело, отпугнул многих людей, — вспоминает скаут Пол Уивер. — Никто не верил в то, что Билли подпишет контракт». Для команды было бы безумием тратить право первого выбора в драфте на парня, который затем просто может не захотеть играть.

Единственный, кого это не отпугнуло, был Роджер Джонгвард. Клуб мог первым выбирать себе трех новичков. Джонгвард прикинул в уме: главный офис команды будет готов рискнуть. Была и другая причина. В преддверии драфта главный офис «Метс» ввязался в странный эксперимент. Популярный спортивный еженедельник *Sports Illustrated* попросил генерального менеджера клуба Франка Кашена, чтобы тот позволил репортеру журнала освещать события, связанные с тем, как команда будет выбирать лучшего непрофессионального бейсболиста, который первым удостоится чести быть приглашенным в Главную лигу. Руководство «Метс» открыло журналу список предварительных кандидатур, и журнал высказал мнение, что с точки зрения журналистской интриги наиболее удобной кандидатурой был бы Даррел Строберри.

Из биографии Строберри получилась бы отличная история для журнала: парень из бедной семьи,рос в неблагополучном районе Лос-Анджелеса и еще не знал, что вот-вот станет богатым и знаменитым. Джонгвард, симпатии которого были на стороне Билли, а не Строберри, высказывался против того,

чтобы журнал вмешивался в происходящее: «Мы сами себе роем яму. И потратим на это много денег». Но, как говорят, плетью обуха не перешибешь. «Метс» остановили свой первый выбор на Строберри, заплатив ему сногшибательный бонус в 210 тысяч долларов. Клуб «Блю Джейс», за которым было право вторым выбирать спортсменов, забрал себе Гари Харриса. Дарнел Коулс ушел шестым в клуб «Маринерс», Сесил Эспи оказался восьмым в списке — его забрали «Уайт Сокс». Во втором раунде, когда снова подошел черед «Метс», Джонгвард был волен уже без оглядки на руководство выбрать того, кого хочет, и он выбрал Билли Бина.

Джонгвард не раз видел, как мальчишки, которые твердили, что пойдут учиться в колледж, меняли свое решение в ту самую секунду, когда перед ними начинали маячить живые деньги. Но и спустя несколько недель после финального распределения спортсменов, отобранных для лиги, хотя Джонгвард положил перед родителями Билли чек на сто тысяч долларов, тон и ход их бесед оставался неизменным. Джонгвард уже всерьез начал беспокоиться, что Билли действительно отправится в университет. Как ни досадовала на Джонгварда мать Билли, которая всеми силами пыталась содействовать тому, чтобы Билли выбрал Стэнфорд, Джонгвард втерся-таки в доверие семьи. Но это не сработало. «Чутье подсказывало мне, что не все идет по моему плану, — вспоминает Джонгвард. — Тогда я решил показать Билли наш клуб».

Билли вырос в типичной среднестатистической американской семье, он почти не выезжал дальше окрестностей родного Сан-Диего, не говоря уже о Нью-Йорке. Для него «Нью-Йорк Метс» была, скорее, не бейсбольная команда, а что-то далекое и нереальное. Летом 1980 года «Метс» приехали в Сан-Диего на игру с «Педрес», и Джонгвард привел Билли в комнату отдыха игроков — туда, куда допускались

только свои. Здесь Билли уже ждала бейсбольная форма — такая же, как у игроков «Метс», с его собственным именем на игровой майке и куртке. В комнате находились несколько игроков «Метс»: Ли Маззилли, Муки Уилсон, Уолли Бекман. Игроки, естественно, уже знали о Билли. Они начали подшучивать над Билли, дескать, пора пошевеливаться и начинать играть в Главной лиге. Их поддержал менеджер «Метс» Джо Торре. «Думаю, это и зацепило Билли, — вспоминает Джонгвард. — Билли пообщался с игроками Главной лиги и решил: “Я же могу играть с этими ребятами”».

«Это же было почти священное место, закрытое для простых смертных, — вспоминал Билли. — Я там оказался, и это было не во сне».

Выбор оставался за Билли. Годом ранее отец сел с Билли за стол и предложил ему побороться на руках. Неожиданный «выпад» со стороны отца поразил Билли, это было совсем не похоже на него: отец Билли был крепким мужчиной, но никогда не стремился проявлять свою физическую силу. Билли победил. Позже отец сказал, что если Билли сумел побороть отца, то он готов и для того, чтобы принимать самостоятельные решения в своей жизни. И первым серьезным решением в жизни Билли стало то, что он пообещал Роджеру Джонгварду, что подпишет контракт.

А дальше произошло нечто странное. Даже годы спустя, вспоминая события тех дней, Билли не понимал до конца, происходило ли все последующее с ним на самом деле или в горячечном бреду. Билли пообещал «Метс» контракт, но потом передумал. Он пришел к отцу и сказал, что не уверен, хочет ли становиться профессиональным бейсболистом. Отец ответил: «Ты же принял самостоятельное решение — ты подписываешь контракт».

В любом случае Билли взял полагающиеся ему 125 тысяч долларов, которые предложили «Метс», успокоил маму

(и свою совесть), пообещав, что вне игрового сезона он будет посещать лекции в Стэнфорде. В Стэнфорде же думали иначе. Когда в приемной комиссии поняли, что Билли не будет играть за университетскую команду Стэнфорда, ему заявили, что Стэнфорду он больше не интересен и что отныне двери аудиторий для него закрыты. «Уважаемая госпожа Бин! — говорилось в письме, подписанном главой приемной комиссии Фредом Харгадоном. — Уведомляем вас, что приняли решение отказать Билли в приеме... Я желаю ему всяческих успехов как в его профессиональной карьере в бейсболе, так и в его намерении продолжить образование в других учебных заведениях».

Вот так враз изменилась жизнь. Вчера Билли Бин мог быть всем, кем только мог пожелать, а сегодня он становился одним из игроков низшей бейсбольной лиги и при этом не очень высокооплачиваемым. По совету друга семьи родители Билли инвестировали 125 тысяч долларов бонуса сына в компанию, занимавшуюся недвижимостью, но та скоро обанкротилась. Прошло много лет, прежде чем мать Билли начала снова разговаривать с Роджером Джонгвардом.